

Л. Д. Широкопад

ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И. И. РУБИНА

Статья посвящена 130-летию со дня рождения выдающегося, но незаслуженно забытого советского марксолога И. И. Рубина. Прежде всего в ней рассматривается вопрос о трагическом влиянии перелома в идеологии и политике ВКП(б) на рубеже 1920–1930-х годов на судьбу И. И. Рубина и оценку его идей. Вехами в идеологическом наступлении на «рубинщину» были: заявление редакции газеты «Правда» 10 октября 1929 г.; речь И. В. Сталина на Первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов в декабре 1929 г.; статья В. П. Милютина и Б. С. Борилина «К разногласиям в политической экономии» в журнале «Большевик» (1930, № 2); «Ответ товарищам свердловцам» И. В. Сталина 9 февраля 1930 г. Результатом этого идеологического наступления был разгром целой школы теоретиков-марксистов, сформировавшейся под влиянием работ И. И. Рубина. Данный процесс проанализирован на примере развернувшейся в 1931 г. кампании, направленной на дискредитацию капитальной работы И. Г. Блюмина «Субъективная школа в политической экономии». В статье также анализируются некоторые дискуссионные проблемы, обсуждавшиеся на заседании Круглого стола в Институте экономики РАН 15 декабря 2011 г., посвященном 125-летию со дня рождения И. И. Рубина. Библиогр. 24 назв.

Ключевые слова: методологическая дискуссия, И. И. Рубин, И. В. Сталин, И. Г. Блюмин, механистическая школа в политэкономии, «правый оппортунизм», перелом в идеологии и политике, «чистка идеологических кадров», марксология.

L. D. Shirokorad

POLITICAL-IDEOLOGICAL CONTEXT OF I. I. RUBIN'S THEORETICAL ACTIVITY

The article is dedicated to 130s anniversary of prominent but undeservedly forgotten Soviet *marxologist* I. I. Rubin's birthday. First of all we consider the tragic influence of sudden change of the Communist Party's policy and ideology at the end of 20s–the beginning of 30s on I. I. Rubin's and his ideas' destiny. There were some landmarks in a process of ideological offensive on "rubinshchina": the statement of the newspaper "Pravda's" editorial staff (October 10, 1929); I. V. Stalin's speech in the First ALL-Union conference of *agrarnik-marxists* (December 27, 1929); V. P. Milyutin, B. S. Borilin. To difference of opinions in political economy ("Bol'shevik", 1930, N 2); I. V. Stalin. A reply to comrades' *sverdlovtsy* (February 9, 1930). The result of this ideological offensive was a crushing defeat of a theorist-marxist's school which was shaped under influence of I. I. Rubin's works. This process has been analyzed on the example of the campaign which was launched in 1931 and was directed at discredit of fundamental I. I. Rubin's work "Subjective school in political economy". Some discussion problems considered at a conference in Institute of Economics (Russian Academy of Sciences) in December 15, 2011, devoted to 125th anniversary of I. I. Rubin's birthday, have been examined in the article as well. Refs 24.

Keywords: methodological discussion, I. I. Rubin, I. V. Stalin, I. G. Blyumin, mechanistic school in political economy, "right-wing opportunism", sudden change in ideology and politics, "purge of ideological cadres", marxology.

Введение

И. И. Рубин был одним из ведущих советских марксологов 1920-х годов. Тем не менее, хотя официальная советская идеология базировалась на марксизме, он оказался жертвой сталинских репрессий, и в 1930–1950-е годы о нем и о его трудах не

Леонид Дмитриевич ШИРОКОПАД — доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; Shirokorad@spbu.ru

Leonid D. SHIROKORAD — Doctor of Economic Sciences, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199134, Russian Federation; Shirokorad@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

принято было даже упоминать. Только с 1960-х годов оказалось возможным давать характеристику (естественно, весьма критическую) его теоретическим взглядам. Впервые это сделали автор настоящей статьи в 1965 г. и В. Е. Маневич в 1967 г. в своих кандидатских диссертациях. В 1970 г. Маневичем была опубликована монография «Проблемы методологии политической экономии в советской экономической литературе 20-х годов» с грифом «Для служебного пользования» [Маневич, 1970]. В ней не только характеризуется «рубинское течение в дискуссиях 1927–1929 гг.», но и рассматривается вопрос о «теоретических истоках идеалистического направления», а также о «борьбе советских экономистов против идеалистов». По всем этим вопросам оценки В. Е. Маневича во многом (но все же не во всем) совпадали с оценками участников дискуссий 1927–1929 гг., но (как и у других советских исследователей 1960–1980-х годов) были далеки от попыток увязать теоретические взгляды И. И. Рубина с обвинениями политического характера, которые предъявлялись ему в конце 1920-х — начале 1930-х годов, и от чрезвычайно грубого и весьма далекого от подлинно научного стиля полемики, который приобрел широкое распространение в то время. Взгляды И. И. Рубина по вопросам методологии и теории политэкономии рассматривались В. Е. Маневичем и в монографии «Экономические дискуссии 20-х годов» [1989, с. 122–141]. Интересно, что в ней, хотя она была опубликована уже в 1989 г., все же нельзя было делать ссылки на работы И. И. Рубина. В. Е. Маневич является автором статьи о И. И. Рубине в «Экономической энциклопедии. Политическая экономия» [1979, т. 3, с. 510].

Характеристика теоретических взглядов И. И. Рубина и методологической дискуссии 1927–1930 гг. содержится и в ряде работ автора настоящей статьи [Широкопад, 1974, с. 40–46; История политической экономии социализма, 1974, с. 47–49; Всемирная история экономической мысли, 1990, т. 4, с. 256–258; История экономических учений, 1994, ч. II, с. 263–264].

Авторами чрезвычайно интересной и содержательной научной биографии И. И. Рубина, основанной на изучении впервые введенных в научный оборот архивных источников, являются Л. Л. Васина и Я. Г. Рокитянский [1992; 2003].

Трагедия И. И. Рубина как выдающегося теоретика-экономиста состоит в том, что он не вписался и не мог вписаться в официальную, сталинистскую версию марксизма, которая формировалась под мощным воздействием целого ряда политических и идеологических факторов и использовалась как очень эффективное оружие в борьбе с оппозицией. В настоящей статье речь идет о том, как использовались идеологические рычаги для политической дискредитации И. И. Рубина и разгрома его школы.

1. Идеологическая борьба и экономическая теория в Советской России и СССР в первое послереволюционное десятилетие: общая характеристика

Указанная дискуссия начиналась как высокопрофессиональное обсуждение сложных и актуальных теоретических вопросов, однако постепенно приобретала все более ярко выраженную идеологическую окраску. Это было связано с политической обстановкой в стране в 1920-е годы. Уже в самые первые послереволюционные годы Советское государство все более энергично ставит под свой контроль

развитие экономической науки. Попытки независимого исследования в области теоретической экономики и истории экономической мысли вначале допускались, хотя и в определенных, достаточно узких пределах, но постепенно ученые стали сталкиваться со все более резкой и грубой критикой, а затем и с прямыми преследованиями. По мере того как немарксисты все более изолировались и в конечном счете лишались возможности заниматься научной деятельностью, борьба не на жизнь, а на смерть развернулась между теми теоретиками, которые провозглашали себя марксистами, за право представлять это учение. Эта борьба умело регулировалась государством: чем более унитарным оно становилось, тем большей унитарности оно требовало от общественных наук, тем в большей степени эти науки нацеливались на решение чисто идеологических задач, тем все более нетерпимым становилось любое, даже малейшее, даже мнимое отклонение от догматически понимаемого и санкционированного властью марксизма. В этой обстановке зачастую сектанты (иногда весьма ученые) и просто приспособленцы вытесняли настоящих ученых, воспитанных в дореволюционных российских университетах, где в начале XX в. экономическая наука достигла очень высокого уровня. Это было одно из проявлений неизлечимой болезни, поразившей советскую экономическую науку, в конечном счете приведшей ее к гибели. Болезнь эту можно было бы назвать нетерпимостью к инакомыслию, категорическим отрицанием принципа творчества. В 1926 г. В. Позняков в рецензии на одну из книг И. И. Рубина заявил, что все ее недостатки связаны с отступлением автора от марксизма. Он писал, что «дать действительно объективную, научную историю экономической мысли, по нашему глубокому убеждению, может только марксистская школа» [Позняков, 1926, с. 276].

Разборки по вопросу о том, кто марксист, а кто немарксист или даже антимарксист, доминировали и в дискуссии 1927–1929 гг. Это приносило в нее совершенно ненаучные элементы, мешало научному анализу. Результаты этой дискуссии могли бы быть значительно весомее, если бы не ее все большая идеологизация. Сам И. И. Рубин старался дистанцироваться от политических обвинений в адрес своих оппонентов, не подписывал никакие открытые письма против них, хотя все центральные журналы были переполнены обвинительными письмами, которыми обменивались ведущие представители обоих направлений.

2. Перелом в политике и идеологии на рубеже 1920–1930-х годов: падение И. И. Рубина

На рубеже 1920–1930-х годов произошел крутой перелом в экономической политике ВКП(б), выразившийся, в частности, в постановке в качестве одной из важнейших задачи ликвидации кулачества как класса, что не могло не привести к резкому обострению классово-борьбы и самым негативным образом отразилось на развитии экономической теории. Ее потенциал предполагалось всецело использовать лишь для теоретического обоснования разработанного руководством партии, на долгие годы оказавшегося под контролем Сталина механизма развертывания реконструктивных процессов в стране, для критики «буржуазных, неонароднических и меньшевистских» представлений, для решения других актуальных с точки зрения правящей партии практически-политических задач. В качестве единственно возможной идеологической основы такого рода исследований признавался лишь

марксизм-ленинизм. Малейшие отступления от официальной трактовки этого учения воспринимались как идеологическая диверсия, чрезвычайно опасная в условиях политического кризиса. Считалось, что государство диктатуры пролетариата в такой обстановке должно было принимать самые жесткие меры политического и уголовного преследования по отношению к теоретикам, защищавшим часто якобы в завуалированной форме интересы и позиции капиталистических элементов в стране.

В середине 1929 г. И. В. Сталин окончательно расправился с «правой оппозицией», которая в то время представляла наибольшую опасность для него. Став хозяином в стране, он сконцентрировался на решении задачи укрепления своего монопольного положения во властных структурах. Для этого было чрезвычайно важно заменить старое руководство прежде всего в политической и идеологической сферах. В 1920-е годы острая идеологическая борьба происходила и в политической экономии, и в других общественных науках. Это дестабилизировало идеологическую и политическую ситуацию, создавались предпосылки для обострения внутривнутрипартийной борьбы. Понимая, сколь важное значение для него имеет формирование и укрепление прочной идеологической опоры, он осуществил генеральную чистку кадров на «идеологическом фронте». Жертвами этой чистки оказались и крупнейшие советские экономисты, в том числе И. И. Рубин.

Еще в сентябре 1929 г. возможно было не только критиковать И. И. Рубина, но и отмечать его существенный вклад в марксологию. Так, Г. Дукор и А. Ноткин признавали, что «И. И. Рубин обязан своим успехом тому, что, выступая с блеском против Богданова и богдановщины, он углубил постановку экономических проблем, удовлетворил тем самым назревшей потребности» [Дукор, Ноткин, 1929, с. 112]. Они отмечали, что «И. И. Рубин выдвинул положения, которые способствовали и способствуют усвоению экономической системы Маркса». В то же время они указывали на «систему извращений» марксизма у И. И. Рубина, на то, что «позиции диалектического материализма в политической экономии можно отстоять лишь в борьбе как против механистических тенденций Кона и др., так и против идеалистических и механистических ошибок И. И. Рубина...» [Дукор, Ноткин, 1929, с. 130].

В конце 1920-х — начале 1930-х годов в теоретические дискуссии между «механистами» и рубинцами все более активно и бесцеремонно стали вмешиваться влиятельные политические структуры.

В октябре 1929 г. в специальном заявлении редакции центральной партийной газеты «Правда» было указано следующее: «1. Ведущуюся дискуссию по вопросам теоретической экономики, в частности в связи с работами Рубина, редакция считает далеко не законченной; ... 3. Редакция считает явно неправильной установку на защиту стопроцентной марксистской ортодоксальности дискутируемых работ Рубина, что фактически ведет к замазыванию ряда его немарксистских положений; ... 5. Исходя из основной установки борьбы как против идеалистической опасности, нередко рядящейся в марксистские одежды (Здесь явно имеется в виду И. И. Рубин и его школа. — Л. Ш.), так и против механистических пережитков богдановщины, редакция считает необходимым в ближайшее время дать отпор ряду невыдержанных и псевдомарксистских выступлений в области теоретической экономики» [О дискуссии..., 1929, с. 5].

Перелом в сфере идеологии особенно четко обозначился в декабре 1929 г., когда Сталин произнес свою печально знаменитую речь на Первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов. После этой речи началось «завинчивание гаек» по всему, как тогда говорили, «фронту идеологии».

Во втором (январском) номере журнала «Большевик» была помещена статья В. П. Милютина и Б. С. Борилина «К разногласиям в политической экономии». В работах И. И. Рубина авторы статьи не заметили сколько-нибудь ценного в теоретическом отношении. Более того, по их мнению, «методологическая “утонченность” работ И. И. Рубина сводится... к бесплодной игре понятий, к чисто схоластическим упражнениям, лишь прикрывает марксистской терминологией их антимарксистское, антиреволюционное, неокантианское содержание. Работы И. И. Рубина и споры вокруг них отвлекают теоретическое исследование от разработки проблем советской экономики... и противоречий мирового империализма» [Милютин, Борилин, 1930, с. 56]. И. И. Рубин в целом был охарактеризован авторами статьи как «выразитель и представитель идеологии теоретиков II Интернационала в политической экономии». Соответственно был сделан вывод о «ревизионистском, меньшевистском характере взглядов И. И. Рубина», о его «антимарксизме и антиреволюционности» [Милютин, Борилин, 1930, с. 56, 60, 59].

В заявлении редакции журнала «Большевик», которое было напечатано непосредственно после статьи, указывалось: «Редакция считает, что печатаемой статьей гг. Милютин и Борилина дискуссия должна быть закончена, и призывает экономистов-коммунистов переключиться на изучение вопросов социалистического строительства и империализма» [От редакции, 1930(а), с. 63]. Так чисто волевым, насильственным образом была прервана одна из интереснейших теоретических дискуссий в советской политической экономии.

Указанная статья В. Милютина и Б. Борилина, поскольку она получила решительную поддержку со стороны редакции «Большевика», была сразу же воспринята как политическая директива и приобрела установочный характер. Она была перепечатана в ряде других журналов, в частности, в журнале «Проблемы экономики», редакция которого немедленно откликнулась на эту статью еще более обширным заявлением, чем редакция «Большевика». В нем выражалась полная поддержка позиции авторов статьи, а также говорилось: «В редакцию поступили письма и предложения статей по известной экономической дискуссии. Считая дискуссию законченной статьей товарищей Милютина и Борилина и редакционными примечаниями “Большевика” и “Проблем экономики”, редакция не считает возможным помещение указанных писем и статей» [От редакции, 1930(б), с. 145].

В связи с этим следует отметить, что в начале 1930-х годов рассматриваемая статья в обязательном порядке изучалась во всех звеньях системы экономического образования.

Столь неординарная реакция на статью В. Милютина и Б. Борилина была связана с тем, что, по более позднему признанию Пашкова, она была написана «под непосредственным руководством тов. Сталина» [Пашков, 1933, с. 48].

Сразу же после публикации указанной статьи в Институте красной профессуры (ИКП), где работал И. И. Рубин, были сделаны соответствующие оргвыводы. Вопрос о И. И. Рубине был рассмотрен на заседании учебного бюро экономического отделения и цехового бюро ячейки экономистов ИКП. В принятом на этом за-

седании решении указывалось, что в новых политических условиях деятельность И. И. Рубина в качестве руководителя общетеоретического семинара в ИКП становится нетерпимой и вредной. «Система его идеалистических ошибок, враждебная марксизму и вытекающая из неокантианской методологии, а также его сознательное замыкание лишь в кругу общих вопросов теории стоимости и упорное отрывание общеметодологических проблем политической экономии от проблем империализма и советского хозяйства, — все это вытекает из его общеполитических меньшевистских позиций... Не может быть ортодоксальной марксистской разработки общих теоретических проблем без правильной общеполитической позиции. Нельзя быть марксистом, не будучи ленинцем» [Решение учебного бюро..., с. 2]. На указанном заседании было принято постановление «снять Рубина с работы в ИКП». Заслушав сообщение об этом заседании, правление ИКП постановило снять Рубина «с руководства семинаром» [Решение учебного бюро..., с. 2].

С того времени примирительное отношение к теоретическим разработкам И. И. Рубина становится неприемлемым. Все такого рода попытки, сделанные еще совсем недавно, когда тучи над И. И. Рубиным еще не сгустились, подвергаются жесткой критике. Так, в рецензии на статью Н. Ильюхова «Актуальные проблемы теоретической экономии» М. Моисеев критикует автора за то, что, по его мнению, «Очерки по теории стоимости Маркса» И. И. Рубина «представляются ему в основном правильными и в духе Маркса». Этот вывод Н. Ильюхова М. Моисеев охарактеризовал как ошибочный и вредный [Моисеев, 1930, с. 5].

17 февраля 1930 г. в редакционной статье «Правды» была подвергнута критике «декларация 9-ти» на весеннем (1929 г.) диспуте, в ходе которого работы И. И. Рубина были признаны «марксистскими, развивающими и углубляющими наше понимание марксовской политической экономии» [На новые рельсы, 1930, с. 2].

В рецензии В. Мотылева на сборник «Рубинщина или марксизм?» [1930] в обобщенном виде была представлена критика теоретической концепции И. И. Рубина. «В работах И. И. Рубина, — пишет автор рецензии, — выявилась целая система идеалистических извращений марксистской политической экономии. И. И. Рубин является по существу проводником в нашей литературе ряда идей неокантианского «социального» направления в политической экономии. Этим идеям он придает марксистскообразный вид, пытается подкрепить их односторонним и тенденциозным подбором цитат из работ К. Маркса, что делает борьбу с этой меньшевистской идеалистической ревизией марксизма чрезвычайно настоящей» [Мотылев, 1930, с. 5].

Что касается Сталина, то свое отношение к общеметодологической дискуссии 1927–1929 гг. он выразил не только через статью В. Милютина и Б. Борилина, но и более непосредственным образом. Так, 9 февраля 1930 г. он дал сугубо негативную оценку этой дискуссии, причем, как всегда, в очень резкой и грубой форме. «Если отбросить прочь *шелуху споров*, — заявил он, — то основные ошибки спорящих сторон состоят в следующем: а) ни одна из сторон не сумела применить как следует метод борьбы на два фронта: как против “рубинизма”, так и против “механицизма”; б) обе стороны отвлеклись от основных вопросов советской экономики и мирового империализма в область *талмудизированных абстракций*, убив, таким образом, два года работы на отвлеченные темы, конечно, в угоду и к выгоде наших врагов» [Сталин, т. 12 (а), с. 190].

Столь обскурантистское отношение к экономической теории уже очень скоро привело к резкому падению теоретического уровня экономических исследований даже по сравнению с 1920-ми годами. Как заявил в 1931 г. в одной из дискуссий в Коммунистической академии известный советский философ и политический деятель Я. Э. Стэн, «в теперешней напряженной обстановке... создается опасность... в области теории вульгарно-эмпирически обобщать и фотографировать действительность» (цит. по: [Пашуканис, 1931, с. 8]). Этот недостаток вскоре был признан и официально, но преодолеть его не удавалось вплоть до смерти Сталина.

В конце февраля 1930 г. член Оргбюро и секретарь ЦК ВКП(б) В. М. Молотов в докладе на заседании расширенного президиума Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала 25 февраля 1930 г. констатировал, что «в последнее время — не без вмешательства ЦК... произошел резкий перелом» в борьбе с рубинщиной. «Рубинщина... в основном разоблачена» [Молотов, 1930, с. 17]. Это означало, что был нанесен смертельный удар по одному из перспективных направлений в методологии и теории марксистской политической экономии и в мировой марксологии в целом.

В январе 1931 г. М. Б. Митин, который как раз в это время оказался одним из ведущих идеологов в окружении Сталина (в 1931 г. он был назначен главным редактором журнала «Под знаменем марксизма»), заявил: «Примерно год тому назад мы имели очень острую борьбу с рубинщиной и свержение этого “теоретического бога”, а ведь он бесспорно занимал, если не полностью, то в значительной степени, господствующее положение в области теории политэкономии» [Митин, 1930, с. 26].

3. И. И. Рубин и И. Г. Блюмин: эпизод «борьбы с рубинщиной»

Под флагом борьбы с рубинщиной в начале 1930-х годов происходила дискредитация многих советских экономистов, не вызывавших доверия у властей. Эти репрессии коснулись прежде всего специалистов по истории экономической мысли. Одним из наиболее талантливых из них был И. Г. Блюмин. Будучи еще совсем молодым исследователем, он начал свой творческий путь, издав в 1928 г. капитальную работу «Субъективная школа в политической экономии» в двух томах. Монография в том же году получила высокую оценку таких советских специалистов по истории экономической мысли, как М. Н. Смит и З. В. Атлас. Позднее, уже в 1995 г., известный экономист А. В. Аникин назвал эту работу «шедевром 20-х годов» [Аникин, 1995, с. 56].

Второе издание книги И. Г. Блюмина было опубликовано в 1931 г. За короткий срок в три года между первым и вторым изданием политическая ситуация в стране резко изменилась. 21 и 27 января 1931 г. в теоретической секции Института экономики Коммунистической академии состоялось обсуждение работы Блюмина «Субъективная школа в политической экономии» и новой его книги «Очерки современной буржуазной теоретической экономии», изданной в 1930 г. Материалы этого обсуждения были опубликованы в журнале «Проблемы экономики» (1931 г., № 3). Главными «инквизиторами» Блюмина оказались Пашков и Пильмейстер. Пашков обвинил Блюмина в том, что он «стоит на враждебной марксизму метафизической позиции Рубина... Как и Рубин, Блюмин отрывает социальное от материального,

выбрасывает материальное из политической экономии» [Критика..., 1931, с. 157]. Учитывая, что Рубин к тому времени был уже арестован, можно представить, сколь серьезными последствиями было чревато это обвинение.

Пильмейстер в своем докладе обвинил Блюмина в ревизии марксизма, в смешении марксизма с вульгарной экономией. По его мнению, в критике социального направления теоретической экономии «Блюмин целиком во власти рубинской концепции... Блюмин целиком продолжает дело Рубина в “критике” вульгарной экономии. И это пишется после того, как т. Сталин заявил о необходимости ликвидировать идейный хлам рубинщины. И эти книги издаются Комакадемией!» [Критика..., 1931, с. 161, 166]. Примерно в таком же ключе критиковал Блюмина и третий участник дискуссии — Першман.

В конце выступления Блюмин не только согласился с замечаниями в свой адрес и, в частности, подверг суровой критике Рубина, не только несколько раз повторил, что им «допущен вредный перегиб» [Критика... 1931, с. 175], но и осудил Пильмейстера за то, что тот в своем двухчасовом докладе не вскрыл его, Блюмина, центральную ошибку — то, что только если во главу угла марксистской методологии выдвинуть метод материалистической диалектики, можно увидеть, какая глубокая пропасть лежит между марксизмом и социальным направлением в теоретической экономии. Поэтому, заявил он, «критика т. Пильмейстера должна быть признана недостаточно сильной по существу» [Критика..., 1931, с. 177].

После жестокой критики, обрушившейся на Блюмина в конце 1920-х — начале 1930-х годов, он все же не был арестован, возможно, потому что очень усердно каялся, но все же был отстранен от разработки проблем «критики современной буржуазной теоретической экономии» и несколько лет был вынужден заниматься конкретными экономическими проблемами, в которых он не был специалистом. С 1936 г. он перешел на изучение проблем истории русской экономической мысли. За период 1936–1938 гг. им было опубликовано 6 весьма ценных в научном отношении статей по этой тематике в журнале «Проблемы экономики». Работа завершилась защитой в январе 1938 г. докторской диссертации на тему «Очерки по истории политэкономии в России в первой половине XIX в.». В 1940 г. Блюмин опубликовал монографию «Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX в.». В 1944 г. она также подверглась жестокому идеологическому разному в партийной печати, что было особенно опасно. Эти жизненные уроки не прошли даром. К тому же он всегда помнил о трагической судьбе Рубина. Во многих послевоенных работах Блюмина официальная идеология уже преобладала над теорией. Парадоксально, но факт, что именно Сталин, не постеснявшийся представлять себя классиком марксизма-ленинизма и включивший свой лик в символическую «квадригу» «Маркс–Энгельс–Ленин–Сталин», имевшую сакральное назначение в период сталинизма, загубил лучших советских марксологов, в числе которых особое место занимал И. И. Рубин.

4. Некоторые дискуссионные проблемы

На заседании Круглого стола в Институте экономики РАН 15 декабря 2011 г., посвященном 125-летию со дня рождения И. И. Рубина, были представлены архивные материалы о последнем периоде жизни выдающегося советского экономиста

и дана современная оценка его творческой деятельности. В то же время целый ряд проблем был поставлен в дискуссионном порядке и требует дальнейшего обсуждения. В докладе проф. А. И. Колганова сделан ряд чрезвычайно важных выводов. В частности, в нем совершенно справедливо утверждается: «Тот способ, которым была прекращена дискуссия (Общеметодологическая дискуссия конца 1920-х годов. — Л. Ш.), надолго вывел из научного оборота достигнутые в ее ходе результаты, и в особенности научный вклад самого И. И. Рубина в разработку теоретических и методологических аспектов наследия К. Маркса» [Колганов, 2011, с. 29].

В то же время нельзя согласиться со следующей его оценкой: «Если позиция, отстаивавшаяся И. И. Рубиным, была оценена как идеологически и политически враждебная (“меньшевиствующий идеализм”), то взгляды его оппонентов, развивавших так называемую механистическую трактовку абстрактного труда, такой политической оценки не получили» [Колганов, 2011, с. 30].

Полагаем, что взгляды «механистов» — оппонентов Рубина — получали в период сталинизма не менее жесткую политическую оценку, чем «рубинщина», в немалой степени потому, что «механицизм» рассматривался в тот период как методологическая и теоретическая основа правого уклона. Приведем некоторые доказательства этого утверждения.

16 ноября 1929 г. на общем собрании экономистов Института красной профессуры была принята резолюция, в которой, в частности, говорилось: «Собрание считает, что механистические тенденции, обнаружившиеся в области политической экономии, могут в дальнейшем сомкнуться с теми немарксистскими, недialeктическими, механистическими установками, которые характеризуют Бухарина и его “школу”. Поэтому необходимо особо заострить теоретическую борьбу против механистического направления в политической экономии. Наряду с этим собрание находит актуальным и обязательным решительную борьбу с идеалистическим направлением в политической экономии и идеалистическими извращениями марксизма» [Резолюция..., 1929, с. 259].

В начале 1930 г. свою позицию по этому вопросу выразила редакция партийного журнала «Под знаменем марксизма»: «Механисты, непосредственно сомкнувшиеся с правыми уклонистами в области философии, являясь знаменем для самых разношерстных элементов, сопротивляющихся проникновению диалектического материализма в конкретные области знания, по-прежнему остаются *главной* (курсив наш. — Л. Ш.) опасностью. Ни шагу назад в борьбе с механистами!» [От редакции, 1930(в), с. 20].

В конце 1930 г. один из ведущих идеологов сталинизма М. Б. Митин писал: «Механистическая ревизия марксизма продолжает оставаться *главной* опасностью, ибо она имеет широкую социальную базу в нашей стране. В основном механистическая методология является *теоретической базой правого оппортунизма* (курсив наш. — Л. Ш.)» [Митин, 1930, с. 55].

Можно было бы привести еще множество официальных свидетельств того, что на рубеже 1920–1930-х годов «механицизм» рассматривался правящей партией в качестве главной теоретической опасности именно потому, что он был «теоретической базой правого оппортунизма», который в указанный период действительно представлял наиболее серьезную угрозу лидерству сталинистской группировки в стране. Как подчеркивал Сталин, «...правый уклон является теперь *главной* опас-

ностью в партии... Потому, что он отражает кулацкую опасность, а кулацкая опасность в данный момент, в момент развернутого наступления и корчевки корней капитализма, является основной опасностью в стране» [Сталин, соч., т. 12 (6), с. 353].

М. И. Воейков весьма проникательно заметил: «Заслуга Рубина... состоит в том, что он обратил внимание на очень сложную диалектическую связь производительных сил и производственных отношений и указал, что новые производственные отношения (новая социальная форма) наследуют что-то от старых отношений» [Воейков, 2011, с. 56]. Но отсюда он делает вывод, который представляется не очень обоснованным. «Оппоненты (Рубина. — Л. Ш.) хотели доказать... что новые производственные отношения принципиально, по всем параметрам отличаются от старых, их вполне можно называть социалистическими. Рубин же *старался показать* (курсив наш. — Л. Ш.), что и они наследуют старые, что и в них еще что-то осталось от старых отношений» [Воейков, 2011, с. 56]. Мы полагаем, что Рубин вряд ли *старался показать*, что социалистические производственные отношения «наследуют» капиталистические производственные отношения и что в них «что-то осталось» от капиталистических производственных отношений. Во-первых, прямых свидетельств этого нет, это всего лишь догадка, вольная интерпретация того, что реально можно вычитать у Рубина, приписывание ему того, что он никогда не писал. Во-вторых, такая интерпретация рубинского понимания соотношения социалистических и капиталистических производственных отношений противоречит меньшевистской концепции социализма, а ведь Рубин в течение ряда лет был активным деятелем меньшевистской партии. В-третьих, стихией Рубина была теория, а не политика, от которой он старался держаться как можно дальше. В его работах мы не найдем увязывания марксистской теории с практикой социалистического строительства.

М. И. Воейков невольно и сам признает, что в своих работах Рубин отнюдь не пытался подвергнуть критике практику социалистического строительства. «Хотел того Рубин или нет (*скорее, конечно, нет*) (курсив наш. — Л. Ш.), но его виртуозный анализ текстов Маркса действительно составлял теоретическую базу для критики того «социалистического строительства», которым начали заниматься с конца 1920-х гг.» [Воейков, 2011, с. 57].

Заключение

И. И. Рубин относится к числу тех отечественных экономистов, важнейшие работы которых переведены на английский и немецкий языки. Однако в целом знакомство с ними, а тем более их исследование на Западе находятся лишь на самой начальной стадии. Даже для многих специалистов по марксистской экономике и по истории советской экономической мысли, которые должны были бы хорошо знать его произведения, в действительности имя И. И. Рубина неизвестно [Karl Marx's Economics, 1988; Howard, King, 1989]. Да и из современных российских экономистов мало кто читал его работы. Одна из причин такого положения состоит в том, что они так и не были переизданы после 1920-х годов, хотя произведения очень многих других советских экономистов 1920-х годов в последнюю четверть века перепечатывались неоднократно и достаточно большими тиражами. И. И. Рубин является одним из крупнейших марксологов в мире и важнейшие его произведе-

ния — «Очерки по теории стоимости Маркса», «История экономической мысли», «Современные экономисты на Западе», а также полемические выступления в ходе общеметодологической дискуссии 1920-х — начала 1930-х годов — представляют большой интерес для научного сообщества. В России есть хорошие знатоки его научного наследия, хотя их не так много; изучены многие архивные материалы, посвященные его жизни и деятельности. Переиздание для начала хотя бы основных работ И. И. Рубина могло бы послужить мощным стимулом для усвоения и переосмысления с учетом достижений современной науки творческого наследия этого незаслуженно забытого выдающегося советского экономиста.

Литература

- Аникин А. В. Люди науки. Встречи с выдающимися экономистами. М.: ДЕЛО Лтд, 1995. С. 1–95.
- Васина Л. Л., Рокитянский Я. Г. Страницы жизни и творчества экономиста И. И. Рубина // Вестн. Российской академии наук. 1992. № 8. С. 129–144. (Переиздано в сборнике: *Васина Л. Л., Рокитянский Я. Г. Исаак Рубин // Российская наука в лицах*. Кн. 1. М.: Academia, 2003. С. 497–512.)
- Воейков М. И. Исаак Рубин: политическая экономия как наука овеществленных отношений // Теоретическое наследие И. И. Рубина и судьбы политической экономии. Материалы Круглого стола, посвященного 125-летию со дня рождения И. И. Рубина / РАН. Институт экономики. 15 декабря 2011 г. М., 2011. 78 с.
- Всемирная история экономической мысли. Т. 4 / отв. ред. В. В. Орешкин. М.: Мысль, 1990. 591 с.
- Дукор Г., Ноткин А. Как нельзя бороться «против механистических тенденций в политической экономии» // Большевик. 1929 (30 сентября). № 18. С. 111–130.
- История политической экономии социализма: очерки / отв. ред. Д. К. Трифонов, Л. Д. Широкопад. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. 383 с.
- История экономических учений: учебник. Ч. II. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 415 с.
- Колганов А. И. Дискуссия об абстрактном труде и проблемы применения метода «Капитала» К. Маркса // Теоретическое наследие И. И. Рубина и судьбы политической экономии. Материалы Круглого стола, посвященного 125-летию со дня рождения И. И. Рубина / Российская академия наук. Институт экономики. 15 декабря 2011 г. М., 2011. С. 1–78.
- Критика немарксистских работ о буржуазной политической экономии (о книгах Блюмина, Рубина и др.) // Проблемы экономики. 1931. № 3. С. 156–182.
- Маневич В. Е. Проблемы методологии политической экономии в советской литературе 20-х годов. М.: Наука, 1970. 191 с.
- Маневич В. Е. Экономические дискуссии 20-х годов. М.: Экономика, 1989.
- Милютин В., Борилин Б. К разногласиям в политической экономии // Большевик. 1930. № 2. С. 48–61.
- Митин М. К итогам философской дискуссии // Под знаменем марксизма. 1930. № 10–12. С. 25–59.
- Моисеев М. Рецензия на: Бюллетень заочно-консультационного отделения ИКП // Правда. 8 февраля 1930. С. 5.
- Молотов В. О наших задачах // Большевик. 1930. № 5. С. 1–15.
- Мотылев В. Рецензия на: Рубинщина или марксизм? Против идеализма и метафизики в политической экономии: сб. ст. / под ред. С. А. Бессонова и А. Ф. Кона // Правда. 1930. 1 марта. С. 5.
- На новые рельсы (К итогам экономической дискуссии) // Правда. 17 февраля 1930. С. 2.
- О дискуссии по вопросам теоретической экономии. От редакции // Правда. 10 октября 1929. № 234.
- От редакции // Большевик. 1930(а). № 2. С. 61–63.
- От редакции // Проблемы экономики. 1930(б). № 2. С. 145.
- От редакции // Под знаменем марксизма. 1930(в). № 2–3. С. 18–20.
- Паиков А. Политическая экономия перед лицом XVII съезда // Вестн. Коммунистической академии. 1933. № 6. С. 45–56.
- Пашуканис Е. Борьба за ленинскую партийность в науке и задачи Комакадемии // ИКП подготовки кадров, экономический, философии и естествознания, истории, советского строительства и права. Бюллетень заочной консультации. 1931. № 9–10. С. 4–11.
- Позняков В. Рецензия на книгу И. И. Рубина «Физиократы. Очерк из истории экономической мысли» // Под знаменем марксизма. 1926. № 1–2. Л.; М., 1926. С. 276–279.

Резолюция по вопросу о современной дискуссии в теоретической экономике (Принятая общим собранием экономистов Института Красной профессуры 16.XI–29 г.) // Под знаменем марксизма. 1929. № 10–11. С. 259.

Решение учебного бюро отделения и бюро ячейки экономистов ИКП об И. И. Рубине // Правда. 1 февраля 1930. С. 2.

Сталин И. В. Ответ товарищам свердловцам // Сталин И. В. Сочинения. Т. 12(а). С. 184–190.

Сталин И. Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б). 27 июня 1930 г. // Сталин И. Сочинения. Т. 12(б). С. 235–373.

Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1979. 623 с.

Ширококорд Л. Д. Методологические проблемы политической экономии социализма в советской экономической литературе переходного периода. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 141 с.

Karl Marx's Economics. Critical Assessment / ed. by J. C. Wood. Abingdon-on-Thames: Routledge, 1988.

Howard M. C., King J. E. A History of Marxian Economics. Vol. 1. 1883–1929. London: Macmillan, 1989. 359 p.

Для цитирования: Ширококорд Л. Д. Политико-идеологический контекст теоретической деятельности И. И. Рубина // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2016. Вып. 2. С. 106–118. DOI: 10.21638/11701/spbu05.2016.206

References

Anikin A. V. *Liudi nauki. Vstrechi s vydaiushchimisia ekonomistami* [People of science. Meetings with eminent economists]. Moscow, DELO Ltd Publ., 1995, pp. 1–95. (In Russian)

Vasina L. L., Rokitianskii Ia. G. Stranitsy zhizni i tvorchestva ekonomista I. I. Rubina [Pages of I. I. Rubin's life and scientific work]. *Vestn. Rossiiskoi akademii nauk*, 1992, no. 8, pp. 129–144. (Pereizdano v sbornike: Vasina L. L., Rokitianskii Ia. G. Isaak Rubin. *Rossiiskaia nauka v litsakh*, book 1. Moscow, Academia Publ., 2003, pp. 497–512. (In Russian))

Voeikov M. I. Isaak Rubin: politicheskaia ekonomia kak nauka oveshchestvlenykh otnoshenii [Isaak Rubin: political economy as a science of substantiated relations]. *Teoreticheskoe nasledie I. I. Rubina i sud'by politicheskoi ekonomii. Materialy Kruglogo stola, posviashchennogo 125-letiiu so dnia rozhdeniia I. I. Rubina*. RAN. Institut ekonomiki. 15 dekabria 2011 g. Moscow, 2011. 78 p. (In Russian)

Vsemirnaia istoriia ekonomicheskoi mysli [World history of economic thought], vol. 4. Ed. by V. V. Oreshkin. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 591 p. (In Russian)

Dukor G., Notkin A. Kak nel'zia borot'sia «protiv mekhanisticheskikh tendentsii v politicheskoi ekonomii» [How is it impossible to struggle “against methodological tendencies in political economy”]. *Bol'shevik*, September, 30, 1929, no. 18, pp. 111–130. (In Russian)

Istoriia politicheskoi ekonomii sotsializma: ocherki [History of political economy of socialism: essays]. Eds D. K. Trifonov, L. D. Shirokorad. Leningrad, Leningrad State University Press, 1972. 383 p. (In Russian)

Istoriia ekonomicheskikh uchenii [World history of economic sciences]: textbook. Part II. Moscow, Moscow University Press, 1994. 415 p. (In Russian)

Kolganov A. I. Diskussiiia ob abstraktnom trude i problemy primeneniia metoda «Kapitala» K. Marksa [Discussions of abstract labour and problems of application of K. Marx's Capital's method]. *Teoreticheskoe nasledie I. I. Rubina i sud'by politicheskoi ekonomii. Materialy Kruglogo stola, posviashchennogo 125-letiiu so dnia rozhdeniia I. I. Rubina*. Rossiiskaia akademiia nauk. Institut ekonomiki. 15 dekabria 2011 g. Moscow, 2011, pp. 1–78. (In Russian)

Kritika nemarksistskikh rabot o burzhuaiznoi politicheskoi ekonomii (o knigakh Bliumina, Rubina i dr.) [Critique of nonmarxian works of bourgeois political economy (about Blumin's, Rubin's and others' books)]. *Problemy ekonomiki*, 1931, no. 3, pp. 156–182. (In Russian)

Manevich V. E. *Problemy metodologii politicheskoi ekonomii v sovetskoi literature 20-kh godov* [Problems of political economy's methodology in soviet economic literature in the twenties]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 191 p. (In Russian)

Manevich V. E. *Ekonomicheskie diskussii 20-kh godov* [Economic discussions in the twenties]. Moscow, Ekonomika Publ., 1989. (In Russian)

Miliutin V., Borilin B. K raznoglasiiam v politicheskoi ekonomii [On the difference of opinion in political economy]. *Bol'shevik*, 1930, no. 2, pp. 48–61. (In Russian)

Mitin M. K itogam filosofskoi diskussii [Philosophical discussions's results]. *Pod znamenem marksizma*, 1930, no. 10–12, pp. 25–59. (In Russian)

Moiseev M. Retsenziia na: Biulleten' zaочно-konsul'tatsionnogo otdeleniia IKP [Review: A bulletin of the IKP's extramural-consultation department]. *Pravda*, February, 8, 1930, p. 5. (In Russian)

- Molotov V. O nashikh zadachakh [About our tasks]. *Bol'shevik*, 1930, no. 5, pp. 1–15. (In Russian)
- Motylev V. Retsenziia na: Rubinshchina ili marksizm? Protiv idealizma i metafiziki v politicheskoi ekonomii [Review: Rubinshchina or marxism? Against idealism and metaphysics in political economy]: sb. st. Eds S. A. Bessonov, A. F. Kon. *Pravda*, March, 1, 1930, p. 5. (In Russian)
- Na novye rel'sy (K itogam ekonomicheskoi diskussii) [On new rails (Results of the economic discussion)]. *Pravda*, February, 17, 1930, p. 2. (In Russian)
- O diskussii po voprosam teoreticheskoi ekonomii. Ot redaktsii [On discussion of theoretical economics' problems. Editorial notes]. *Pravda*, October, 10, 1929, no. 234. (In Russian)
- Ot redaktsii [Editorial notes]. *Bol'shevik*, 1930(a), no. 2, pp. 61–63. (In Russian)
- Ot redaktsii [Editorial notes]. *Problemy ekonomiki*, 1930(b), no. 2, p. 145. (In Russian)
- Ot redaktsii [Editorial notes]. *Pod znamenem marksizma*, 1930(v), no. 2–3, pp. 18–20. (In Russian)
- Pashkov A. Politicheskaiia ekonomiiia pered litsom XVII s'ezda [Political economy in the face of XVII congress]. *Vestn. Kommunisticheskoi akademii*, 1933, no. 6, pp. 45–56. (In Russian)
- Pashukanis E. Bor'ba za leninskuiu partiinost' v nauke i zadachi Komakademii [Struggle for Lenin's Party spirit and Comacademy's tasks]. *IKP podgotovki kadrov, ekonomicheskii, filosofii i estestvoznaniia, istorii, sovetского stroitel'stva i prava. Biulleten' zaochnoi konsul'tatsii*, 1931, no. 9–10, pp. 4–11. (In Russian)
- Pozniakov V. Retsenziia na knigu I.I. Rubina «Fiziokraty. Ocherk iz istorii ekonomicheskoi mysli» [Review: I. I. Rubin's book "Physiocrats. Studies in the history of economic thought"]. *Pod znamenem marksizma*, 1926, no. 1–2. Leningrad, Moscow, 1926, pp. 276–279. (In Russian)
- Rezoliutsiia po voprosu o sovremennoi diskussii v teoreticheskoi ekonomii (Priniataia obshchim sobraniiem ekonomistov Instituta Krasnoi professury 16.XI–29 g.) [About contemporary discussion in theoretical economics. Resolution of general meeting of Red Professors Institute's economists. 16.XI.29]. *Pod znamenem marksizma*, 1929, no. 10–11, p. 259. (In Russian)
- Reshenie uchebnogo biuro otdeleniia i biuro iacheiki ekonomistov IKP ob I. I. Rubine [The decision of IRP's instructional bureau and bureau of the cell of economists about I. I. Rubin]. *Pravda*, February, 1, 1930, p. 2. (In Russian)
- Stalin I. V. Otvet tovarishcham sverdlovtsam [The reply to comrades sverdlovtsam]. Stalin I. V. *Sochineniia*, vol. 12(a), pp. 184–190. (In Russian)
- Stalin I. Politicheskii otchet Tsentral'nogo komiteta XVI s'ezdu VKP(b). 27 iyunia 1930 g. [Central committee's political report to XVI VCP(b) congress 27 June, 1930]. Stalin I. *Sochineniia*, vol. 12(b), pp. 235–373. (In Russian)
- Ekonomicheskaiia entsiklopediia. Politicheskaiia ekonomiiia* [Economic discussions in the twenties], vol. 3. Moscow, Sovetskaiia entsiklopediia Publ., 1979. 623 p. (In Russian)
- Shirokorad L. D. *Metodologicheskie problemy politicheskoi ekonomii sotsializma v sovetskoi ekonomicheskoi literature perekhodnogo perioda* [Methodological problems of political economy of socialism in soviet economic literature of transitional period]. Leningrad, Leningrad State University Press, 1974. 141 p. (In Russian)
- Karl Marx's Economics. Critical Assessment*. Ed. by J. C. Wood. Abingdon-on-Thames, Routledge, 1988.
- Howard M. C., King J. E. *A History of Marxian Economics*, vol. 1, 1883–1929. London, Macmillan, 1989. 359 p.
- For citation:** Shirokorad L. D. Political-ideological Context of I. I. Rubin's Theoretical Activity. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 5. Economics*, 2016, issue 2, pp. 106–118. DOI: 10.21638/11701/spbu05.2016.206

Статья поступила в редакцию 5 апреля 2016 г.

Статья рекомендована в печать 5 мая 2016 г.